

**ПРОБЛЕМА ЭТНОГЕНЕЗА КАК ВАЖНЕЙШАЯ  
СОСТАВЛЯЮЩАЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ  
КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУСОВ**

**THE PROBLEM OF ETHNOGENESIS AS A CRITICAL  
COMPONENT OF THE FORMATION OF THE HISTORICAL  
CULTURE OF BELARUSIANS**

***П.С. Крючек***

*Белорусский государственный технологический университет,  
г. Минск, Беларусь*

***P.S. Kruchek***

*Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus*

**Аннотация:** Важнейшей составной частью исторической культуры каждого народа являются представления о его происхождении. Вопрос о происхождении белорусского народа на протяжении длительного времени была объектом пристального внимания как белорусских, так и российских историков. В статье рассматриваются основные концепции формирования белорусского этноса, которые были сформулированы в историографии XIX – XX в.

**Abstract:** The most important component of the historical culture of every nation is ideas about its origin. The question of the origin of the Belarusian people has been the object of close attention of both Belarusian and Russian historians for a long time. The article examines the basic concepts of the formation of the Belarusian ethnic group, which were formulated in the historiography of the 19th – 20th centuries.

**Ключевые слова:** этнос, этногенез, историография, Беларусь, Россия.

**Keywords:** ethnos, ethno genesis, historiography, Belarus, Russia.

Вопрос о происхождении белорусского народа на протяжении длительного времени являлся объектом пристального внимания как белорусских, так и российских историков. Впервые эта проблема стала предметом научного анализа в XIX в., когда в Российском обществе проявился пристальный интерес к изучению этнографии и истории включенных в состав империи в результате разделов Речи Посполитой территорий. При этом господствующей в данный период являлось представление о существовании еще со времен Киевской Руси единого русского народа, с единой «русской» православной верой и единым языком. Этнографические особенности украинцев и белорусов при этом объяснялись исключительно длительному внешнему воздействию, прежде всего со стороны Польши.

Правительственная точка зрения на этот вопрос нашла свое отражение уже в 1780 г. в официальном путеводителе, который был

приурочен к путешествию Екатерины II по Беларуси. В нем, в частности, утверждалось, что «некогда эта земля принадлежала великим русским князьям. Потом она была расхищена на части, но русские государи, начиная с Ивана III, стремились присоединить оторванные части». И лишь в 1772 г. произошло восстановление исторической справедливости и «потерянное приобщено и утверждено под державу Екатерины» [6, с. 42–43].

На фоне этой очевидной близости мысль о том, что эти «братские народы» тем не менее, все же являются разными народами, пробивала себе дорогу с большим трудом. В среде украинской интеллигенции национальное самосознание зародилось в середине XIX в. и сформулировано было деятелями Кирилло-Мефодиевского общества в Киеве (1846-1847 гг.), многие из которых затем (в 50-е - 60-е гг.) группировались вокруг журнала «Основа» в Санкт-Петербурге. Там, в частности, была опубликована статья Н. И. Костомарова «Две русские народности», название которой говорит само за себя. Признание существования третьей «русской народности», белорусов, вызревало еще медленнее [4, с. 11].

В начале XIX в. еще не существовало единого названия для белорусского этноса и территории его проживания. Название «Беларусь» было закреплено только на восточных территориях – Могилевская, Витебская и часть Смоленской губерний, среди населения которых было широко распространено самоназвание «белорусы». Западные регионы – Минская, Гродненская и Виленская губернии (вместе с Каунасом) назывались «Литва», а их население называли «литвинами». Польский язык преобладал в социальной и культурной жизни всего региона.

Отрицательное влияние на формирование этнического самосознания белорусов оказывал и конфессиональный фактор. Белорусское население в XIX в. было расколото по конфессиональному признаку. Социальные верхи общества являлись в основном католиками и относили себя к полякам. В то же время православное население Беларуси, основную массу которого составляли крестьяне, считалось русским. Такая ситуация, которую активно поддерживали и православное, и католическое духовенство, не способствовала консолидации белорусского этноса и отрицательно сказывалась на этническом самосознании белорусского народа. Следствием этого стало возникновение двух псевдонаучных концепций этногенеза белорусов – «великорусской» и «польской». Общим для этих концепций было отрицание самого факта существования белорусского народа. Не прибегая к глубокому изучению и анализу этнографии и истории

белорусов, представители этих концепций объявили их составной частью соответственно либо русского, либо польского народа.

Показательными в этом плане являются работы Н. Устрялова. В них Беларусь не являлась самостоятельным объектом исследования. Историк был уверен в существовании единого восточнославянского этноса и именно в этом контексте рассматривал разделы Речи Посполитой и включение белорусских земель в состав Российской империи [7]. Такая точка зрения стала идеологическим указанием для последующих российских историков вплоть до начала XX в. и являлась господствующей в великорусской историографии.

Похожую позицию в вопросе этногенеза белорусов занимали и представители идеологии западнорусизма, которая окончательно оформилась во второй половине XIX в. Согласно этой идеологии, белорусы были лишь одной из этнографических групп единого русского народа. Историк Михаил Коялович в своих работах утверждал, что Украина, Беларусь и Литва исторически являлись единой и неотъемлемой частью России как территориально, так и этнически. Этнографические особенности Беларуси объяснялись польским влиянием и подлежали ликвидации [3, с. 76].

Идея самостоятельности белорусского народа была впервые выдвинута народнической группой «Гомон», действовавшей среди белорусских студентов в Петербурге в 1880-е гг., притом не без влияния аналогичных украинских групп.

В своих изданиях – «Письма о Беларуси. Письмо первое» Данилы Боровика, «Послание землякам-белорусам» от «Искреннего белоруса», два номера журнала «Гомон» и др. – белорусские народники утверждали, что у белорусов есть свои оригинальные черты, которые позволяют считать их самостоятельным славянским племенем со своей историей, этнографическими и климатическими особенностями, отличными от соседей – поляков, украинцев и русских. Особенно подчеркивалась самобытность белорусского языка.

Наиболее последовательную научную концепцию этногенеза белорусов предложили в конце XIX – начале XX в. видные белорусские ученые Е. Карский и М. Довнар-Запольский.

В первом томе своей работы «Белорусы» Е. Карский приходит к выводу, что уже к XIII в. на основе древнерусских племен кривичей, дреговичей и радимичей сформировалась белорусская народность, а белорусский язык является не диалектом русского или польского языков, а самостоятельным славянским языком со своими фонетическими и грамматическими особенностями [2, с. 112].

Известный историк М. Довнар-Запольский в своих трудах утверждал, что территория бассейна Припяти и до верховьев Днепра вместе с бассейном Вислы и Одера являлась прародиной славян, которые впоследствии распались на множество племен. В результате племена кривичей, дреговичей и радимичей стали основой для формирования белорусской народности. Более того, ссылаясь на филологические исследования А. Шахматова, М. Довнар-Запольский пришел к мысли, что эти племена по своим языковым особенностям ближе к западным славянам. Эти племена уже в древности имели свои этнографические особенности, которые отличали их от других восточнославянских племен, разговаривали на общем языке, который впоследствии и стал основой для белорусского языка [1, с. 26]. Более того, М. Довнар-Запольский считал, что племена кривичей, дреговичей и радимичей на протяжении своей истории не испытывали какого либо значительного влияния со стороны других народов. Поэтому белорусы, наряду с поляками, являются наиболее чистым славянским народом [1, с. 28].

Но еще несколько десятилетий этой идее приходилось доказывать свое право на жизнь. Например, авторитетный языковед, академик И. И. Срезневский в 1887 г. утверждал: «Гораздо правильнее белорусский говор считать местным говором Великорусского наречия, а не отдельным наречием». Двухтомная работа П. В. Шейна по этнографии белорусов, опубликованная в 1887-1893 гг., вышла под красноречивым названием: «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края» [4, с.15].

И все-таки термин «белорусы», пусть пока еще в чисто этнографическом смысле, постепенно проникал в массовое сознание. При проведении переписи населения 1897 г. 74% жителей так называемого Северо-Западного края определили свой родной язык как белорусский.

В начале XX в. самостоятельность белорусского языка большинством исследователей уже не ставилась под сомнение. Споры шли лишь о том, признавать его самостоятельным языком или диалектом русского. Соответственно колебалось мнение и о статусе белорусов как этнической общности, но сам факт существования такой общности под сомнение уже не ставился.

Те, кто утверждал национальную самобытность белорусов, тем самым вставали перед необходимостью объяснить причины ее возникновения. Две наиболее разработанные версии формирования самостоятельных восточнославянских этносов были предложены на рубеже XX в. А. А. Шахматовым и Е. Ф. Карским. Первый из них

признавал разделение племен «Повести временных лет» на три группы говоров (северную, среднюю и южную), но полагал, что эти группы испытали нивелирующее взаимовлияние в эпоху Киевской Руси и послужили только основой для формирования восточнославянских народов. В целом же этот процесс состоялся уже после татарского нашествия, в рамках новых государств – Московского и Литовского. В частности, белорусская народность сложилась на базе западной ветви среднерусской группы говоров, но благодаря, прежде всего политической изоляции от восточных и северных говоров, эволюционировавших в направлении русского языка [4, с. 25].

Е. Ф. Карский вслед за Н. И. Костомаровым усматривал истоки этнообразующих черт в особенностях древнеславянских племен. Но, поскольку в его время понятие «Белоруссия» стало значительно шире, включая жителей Полесья и верхнего Понеманья, механическое сопоставление белорусов с кривичами стало невозможным. Е. Ф. Карский указал на три древнерусских племени, давших начало белорусскому этносу: кривичей, дреговичей и радимичей. Но сложение единой народности на их основе он датировал более поздним временем – XIII-XIV вв., когда потомки указанных племен вошли в состав Великого княжества Литовского [4, с. 26].

Концепция А. Шахматова оказала большое влияние на советскую историографию, в которой постепенно оформилась концепция «древнерусской народности». Ее сторонники утверждали, что уже в эпоху Киевской Руси племенные отличия утратили свое значение, в результате чего там сложилась единая народность с общим языком самоназванием, культурой и т.д. Главные отличительные черты восточнославянских народов возникли позднее, после распада Руси и раздела ее территории между Московским государством и Великим княжеством Литовским (ВКЛ).

В духе этой концепции в 40-е гг. был предложен ряд попыток объяснить причины появления белорусского этноса. Основными факторами постулировались политическое объединение в рамках ВКЛ и экономические связи между отдельными областями будущей белорусской территории, причем механизм действия этих факторов не объяснялся. Вышедшие затем работы А. Н. Тихомирова и Л. В. Черепнина довольно детально обосновывали ключевую роль периода Киевской Руси для формирования восточнославянского единства в форме древнерусской народности [4, с. 27]. Вопрос о причинах различий при этом совершенно отступил на задний план.

В сфере языкознания идея вторичности отличительных черт

восточнославянских языков нашла развитие в работах Ф. П. Филина. Он обосновывал сложение к первой половине XII в. общерусского языка. в котором выделял северную и южную этнографические зоны. Образование трех восточнославянских языков было, по его мнению, результатом последующих эволюционных процессов. В частности, в западной части общерусского ареала примерно в XIV-XVI вв. развились такие вторичные явления, как отверждение звука «р», «дзекание» и другие характерные особенности белорусского языка [4, с. 28]. Причины подобных новаций лингвисты склонны объяснять внутренними законами развития языка (по аналогии с биологией их можно назвать своего рода «мутациями»).

Однако данную концепцию разделяли не все ученые. В частности московский археолог В. В. Седов, опираясь главным образом на данные археологии и топонимики, в ряде работ сформулировал концепцию, которую можно условно назвать «субстратной». Согласно этой теории, первоначально единый славянский массив при расселении по территории Восточной Европы наложился на разные этнические субстраты. На территории современной Белоруссии славяне смешались с племенами балтской языковой группы, родственными литовцам и латышам.

Ассимилированные потомки древних балтов привнесли в культуру и язык кривичей, дреговичей и радимичей самобытные черты, которые впоследствии не исчезли полностью в эпоху Киевской Руси и вновь проступили после ее распада. Именно на их основе произошла интеграция потомков указанных племен в единый белорусский этнос [4, с. 29].

Эта концепция в советский период встретила довольно холодный прием, в основном по идеологическим соображениям. Во-первых, приверженцев официальной догмы настораживал сам акцент на различия, а не на общность. Во-вторых, слишком бросалось в глаза сходство с «племенной концепцией», приверженцы которой в то время носили ярлык «буржуазных националистов».

Ситуация резко изменилась после образования на территории бывшего СССР новых независимых государств. Как и можно было ожидать, «племенная» и родственная ей «субстратная» концепции стали пользоваться повышенной популярностью. В статье В. П. Грицкевича «Какой быть белорусской исторической науке», появившейся в 1992 г., приведен целый перечень «мифов и умолчаний, которые на протяжении последних десятилетий сложились в советской белорусской исторической науке и с помощью историков укоренились в сознании людей». Среди них названы и мифы «о прогрессивной роли славянского

элемента в формировании белорусского этноса», «об общей древнерусской народности», а также «о запоздалом до XIII-XIV веков оформлении белорусского этноса» [4, с. 29].

Понятно, что альтернативой может быть только признание прогрессивной роли балтского субстрата, отрицание древнерусской народности и датировка оформления белорусского этноса периодом не позднее IX-X вв., т. е. до включения белорусских земель в состав Киевской Руси.

Однако такой подход к этногенезу белорусов разделяют не все ученые. Более обоснованно, на наш взгляд, является утверждение М.Ф. Пилипенко, что под влиянием балтов складывался не белорусский этнос, а восточнославянские образования дреговичей, радимичей и кривичей, расселившихся на белорусских землях в течение VI-X веков. Поэтому их следует рассматривать не просто как племена или союзы племен, а как новые этнические общности, своеобразные протонародности. начального этапа раннеклассового общества. Окончательное формирование белорусского этноса произошло в XIV – XVI в в составе Великого княжества Литовского [5, с. 45].

Таким образом, белорусский этнос прошел большой и длительный путь зарождения и развития. Он имеет глубокие исторические корни, которые уходят в древний период, связанный с заселением и освоением человеком белорусских земель. Этот процесс активизировался с расселением индоевропейских племен и закреплением здесь восточных славян.

Не вызывает сомнения тот факт, что белорусы сформировались как восточнославянский народ индоевропейского происхождения и как общность прошли через различные исторические стадии и этносоциальные формы, приобретя уже в конце XIX – начале XX века национальные черты.

Исторические же условия для этногенеза белорусов были весьма сложными и противоречивыми, причем не раз менялось государственно-территориальное пространство, в котором шло становление и развитие белорусского этноса. Однако не нарушена была генетическая преемственность, а этнические изменения происходили в соответствии с законом адаптации, что позволяло белорусскому этносу формировать качества, обеспечивавшие ему реально возможное существование в конкретно-исторической среде обитания.

#### **Библиографический список**

1. Доўнар-Запольскі М. В. Гісторыя Беларусі. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1994. 512 с.



2. Карский Е. Ф. Белорусы. Введение в изучение языка и народной словесности. Т.1. Варшава: тип. Варшавского учебного округа, 1903. 324 с.
3. Коялович М. О. Чтения по истории Западной России. СПб.: Тип. Суворина, 1884. XIII, 349 с.
4. Носевич В. В. Белорусы: становление этноса и «национальная идея» // Белоруссия и Россия: общества и государства / Редактор-составитель Д. Е. Фурман. – М.: Права человека, 1998. – С. 11-30.
5. Пилипенко, М.Ф. Возникновение Белоруссии: Новая концепция / М.Ф. Пилипенко. – Мн.: Беларусь, 1999. – 143 с.
6. Топографические примечания на знатнейшие места путешествия ее императорского величества в Белорусские наместничества. СПб., 1780. 138 с.
7. Устрялов Н. Г. Он же. О литовском княжестве. Исследование вопроса, какое место в Русской истории должно занимать Великое княжество Литовское. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1839. 42 с.

## ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ЕКАТЕРИНОДАРСКОЙ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

## HISTORY OF CONSTRUCTION OF THE EKATERINODAR ROMAN CATHOLIC CHURCH

*А.И. Селицкий*

*Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия*

*A.I. Selitskiy*

*Kuban State University, Krasnodar, Russia*

**Аннотация.** В статье рассматривается история строительства Екатеринодарской римско-католической церкви, а также связанные с этим политико-правовые, бюрократические и финансовые трудности. В конце XIX в. местные католики во главе с почётным каноником Иосифом Канумовым должны были решить три основных задачи: 1. получить разрешение властей на строительство храма, 2. добиться строительства храма в удобной для коммуникаций части города, 3. найти средства на это строительство. Все три пункта были успешно решены, хотя для этого понадобилось почти 15 лет. В статье привлекаются и сравниваются архивные материалы из Российского государственного исторического архива, Государственных архивов Краснодарского края и Саратовской области.

**Abstract.** The article examines the history of building of the Ekaterinodar Roman Catholic Church, as well as political, legal, bureaucratic and financial difficulties which were involved in it. In the late 19th century, local Catholics led by honorary canon Joseph Kanumov had to solve three main tasks: 1. to get permission from the authorities for building the church, 2. to obtain construction of the church in a convenient part of the city, 3. to find the funds for this construction. All three items were successfully solved, although it took almost 15 years. The article includes and compares archival materials from the Russian State Historical Archive, the State Archive of Krasnodar Krai and the State Archive of Saratov Oblast.